

НИНА
ЛИНДТ

ГОВОРЯЩАЯ
С ПРИЗРАКАМИ

3

ДИТЯ
НОКТУРНЫ

Нина Линдт
Говорящая с призраками.
Дитя Ноктурны
Серия «Говорящая с
призраками», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64322417

Аннотация

Силы Насти, переданные ей Матерью, растут, и демон уже не представляет, как пожертвовать той, что стала смыслом его существования.

Агенты ищут девочку, которая способна остановить Ноктурну. А мир вокруг рушится и приближается к концу. Успеют ли они спасти мир и каких жертв это им будет стоить?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	44
Глава 5	59
Глава 6	68
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Нина Линдт

Говорящая с призраками.

Дитя Ноктурны

*Это абсурд, вранье:
череп, скелет, коса.
«Смерть придет, у нее
будут твои глаза».*

И. Бродский, «Натюрморт»

Глава 1

Человек в легком сером пальто взирал на Барселону с горы Тибидабо. Сильный ураганный ветер, нагнавший туч на город, порывами орошал все вокруг холодным, не по-весеннему колючим дождем. Опавшие цветы миндаля покрывали смотровую площадку фиолетовым ковром, волнами перекатываясь по мощению то в одну сторону, то в другую. А полы абсолютно сухого пальто мужчины не шевелились от ветра, да и сам он, казалось, не замечал бури вокруг.

Тот самый парень, что отдал кулон Избранной Насте, приблизился почтительно сзади, встал рядом так, чтобы его присутствие стало заметно.

– Габриэль наказан, – доложил парень.

– Что он натворил? – раздался тихий ровный голос.

– То же, что и большинство, – парень опустил голову. – Он старался «сохранять дистанцию» и «не вмешиваться». В результате проявил халатность и допустил появление Ноктурны.

– Не казни его слишком, Рафаэль.

Парень дернулся.

– Я не казнил... ну, самую малость.

– Что ты придумал? – с любопытством спросил его собеседник.

– Забрал его память и оставил ему ровно столько, сколько необходимо, чтобы найти Избранную.

– Хорошо. Нашел?

– Пока нет, он рядом с ней, но еще ничего не понял.

– А поймет? – собеседник глянул на парня, и тот уловил в мимолетном взгляде смех.

Парень пожал плечами.

– Что ж, мы сделали достаточно, Рафаэль, – мягко успокоил его собеседник. – Теперь понаблюдаем.

Рафаэль некоторое время стоял молча, но потом не выдержал:

– Можно ли мне спросить?

Другой улыбнулся уголком рта, так, чтобы архангел этого не увидел.

– Ты уже спрашиваешь.

– Почему Ты любишь его?

Он не называл имени. Но они оба знали, что речь не о Габриэле.

– Он тот, кого все ненавидят. Кроме тех, кто понимает его. А я понимаю его, как никто другой.

– Но Ты наказал его вместе с остальными. Отказался от него, свергнул. Не понимаю... Какая разница между ним и остальными?

– Иногда, чтобы научить ребенка плавать, любящие родители бросают его в воду. Когда-нибудь ты все поймешь, Рафаэль.

– Мне его не хватает, – архангел с грустью посмотрел на город.

– Так кто тебе мешает?

Рафаэль внимательно посмотрел своему собеседнику в глаза.

– Но разве... Разве можно нам...

В почти прозрачных от внутреннего света глазах собеседника он прочел ответ:

– Я никогда не запрещал.

Весь мир, казалось, сошел с ума. Где-то стояла дикая жара, кого-то заливало дождями, бури и смерчи разрушали целые страны, землетрясения и цунами грозили окончательно стереть с лица земли многочисленные населенные пункты. Катастрофы случались одна за другой, предсказать, где

произойдет следующее несчастье, было невозможно. Каждый день агенты слушали новости, все больше впадая в уныние: поиски балерины пока ничего не давали. А вот Ноктурна все чаще напоминала о себе.

После того, как агенты искали портрет с частицей ее силы сначала в Ватикане (и нашли там только призрак Папы Римского Александра VI, который теперь повсюду ходил за Настей), а затем во Франции, где портрет был найден, но захвачен Ноктурной, ее сила выросла настолько, что одно бедствие следовало за другим.

Единственной зацепкой была дочь Ноктурны, которая предположительно занималась балетом. Ее поисками занималась Итсаску. Граф Виттури надеялся использовать девочку для ослабления силы Ноктурны, если им придется столкнуться с ней еще раз.

Настя усиленно тренировалась вместе с остальными агентами.

Граф Виттури был рядом, но наедине с ним Настя больше не оставалась. Отчасти потому, что сама боялась этого. Она знала, что большего ей не дано. Ведь тот поцелуй она выпросила у него. Вот и довольно. Он пожалел ее, пошел ей навстречу. Просить сверх того, что дано, не нужно. Она Избранная и должна погибнуть, выполняя свое предназначение, – спасти мир. Точка. Ее мнения об этом никто не спрашивал. Ей просто вручили медальон. Архангел Михаил дважды пытался его отнять, но Настя теперь научилась прислу-

шиваться к своей интуиции: ни о какой передаче медальона кому-то другому речи быть не может. Это ее ноша.

Помимо шестого чувства, Настя начала замечать за собой странную необходимость время от времени бывать на природе. Это было похоже на голод: порой у нее возникало острое желание оказаться в лесу или у моря. Первое время было неудобно просить об этом агентов, но однажды, когда они с Ликой готовили чай на кухне, она покачнулась от слабости, ангел вскрикнула, рассыпав заварку, и бросилась к Насте, сползавшей на пол. Это было не головокружение, а просто ощущение отсутствия сил, словно она очень давно не спала и вообще не отдыхала. Граф Виттури оказался рядом. Подхватил ее и крикнул Сержу, что нужна машина.

Они отвезли ее на гору, что совсем рядом с Барселоной, и пока Настя приходила в себя, граф Виттури отчитывал ее сухо и зло:

– Настя, в следующий раз предупреждай, мы будем вывозить тебя в любое время, в любую погоду.

– Но что со мной?

– Ты все больше зависишь от сил природы, – рука графа мимолетно коснулась ее щеки. – Слишком много затрат эмоциональных и физических. Тебе необходимо пополнять запасы энергии.

Они еще долго сидели с ней там, в лесу, переговариваясь о последних событиях, пытаясь проследить проявления активности Ноктурны во всех происходящих катаклизмах.

Так и повелось. Два-три раза в неделю Настя ездила в горы с Ликой, графом и Сержем. Иногда вместо Сержа был Диего, иногда Габриэль. Итсаску целыми днями копалась в базах данных.

Чем чаще Настя попадала из города на природу, тем сильнее чувствовала ее, только теперь это было совсем по-другому.

Прикасаясь к дереву, она ощущала движение соков внутри, понимала, что от разных деревьев энергия идет разная, где-то более вязкая, где-то более легкая. Когда она входила в воду, то тоже улавливала, как вода забирает из нее ненужное, пережитое, переработанное, а взамен будто обновляет ей кровь. Когда касалась земли, чувствовала себя частью ее, словно распадалась на камни, глину, песок...

Это приводило ее в такой восторг, что она даже рассказала об этом графу Виттури. Тот слушал, слегка улыбаясь, внимательно разглядывая ее, убеждаясь снова и снова, что она — иная, как города, что зовут ее к себе. Ни одна земная женщина не могла так спокойно общаться с ним после сближения, и это успокаивало его и в то же время раздражало. Как ангел он восхищался ее стойкостью и контролем перед соблазном, а как демон все больше испытывал желание искусить снова. Ее природа была абсолютно человеческой, но дары Старой Матери раскрывали в ней самые лучшие качества, перерабатывали ее человеческую природу и соединяли с природой куда более древней и мудрой, полной огромной силы и энер-

гии. А ее способность видеть призраков восхищала и вносила сумятицу в повседневную жизнь: было забавно смотреть, как Настя с серьезным видом спорит о чем-то с пустотой или смеется, очевидно, удачным шуткам Папы Римского. В последнее время призрак и девушка стали друзьями, и это тоже делало ее особенной.

И порой, когда он слышал ее смех, что-то болезненное, как внезапно лопнувшая пружина, срывалось внутри, и гадюкой жалила мысль: она умрет. Она, та, что теребит кончик своей косы и прикусывает губы, когда задумывается. Та, что смотрит всегда такими грустными глазами серьезно, открыто и честно. Дитя, которое доверчиво идет к нему, когда ей больно. И яростная, свирепая волчица, которая мелькает в ней иногда во время боя или спора. Она умрет.

Вечность тогда представлялась ему еще более мучительной, чем раньше, и он сам не мог понять, почему испытывает ярость и желание крушить все вокруг. И в эти моменты он взвивался в небо, искал бури, которую теперь так легко можно было найти, врвался в самое сердце ее, рвал и метал, крушил и разворачивал воздушные потоки, орал от ярости и обиды. И когда он возвращался на землю, то горел ненавистью к Насте, такой сильной, что пару раз от решающего шага его спасало только воспоминание о ее просьбе не убивать ее напрасно. И если бы можно было принести ее в жертву на каком-нибудь алтаре, он бы уже давно приволок ее туда за волосы и перерезал ей горло. Лишь бы решить самому,

лишь бы не ждать ее гибели. Но он обещал. Хитрая девчонка как чувствовала его. Знала его лучше, чем он сам. Единственное, что дорого для демона, – это слово, данное им самим.

Премьера балета должна была состояться через неделю. Наташа репетировала как безумная, до кровавых мозолей, до полного бессилия, лишь бы не думать, не вспоминать, не тосковать. После репетиции падала на руки приходившего за ней мужчины. Он оказался реальным, этот мужчина из снов. Появился на пороге ее квартиры сразу после звонка из полиции, до приезда комиссии по делам несовершеннолетних. Сказал, что будет с ней всегда.

Она тогда ничего не могла понять и осознать, все было как в тумане. Смутная надежда, что мама найдется, таяла с каждым днем. Ограбление, убийство брата и похищение матери – это слишком много для одной потерянной девочки. И появление Ролана казалось подарком свыше. Он представлялся всем ее дядей. Нужные документы появлялись у него на руках по первому требованию. Да и особых препятствий чиновники ему не чинили: стоило ему взглянуть на женщин, как они становились послушными и ласковыми; печати, бумаги – все было решено в краткие сроки. И он стал ее опекуном. В балетной школе его появление было всякий раз событием: высокий, красивый, широкоплечий, притягательный. Мамочки тайком вздыхали, когда он проходил мимо, препода-

давательницы таяли, балерины перешептывались и обсуждали его.

Он забирал ее, иногда выносил на руках, закинув на плечо ее сумку. Наташа лишь устало улыбалась. В машине ее всегда ждал заботливо упакованный термос с чаем, фрукты или печенье, чтобы перекусить.

Он был рядом, но был молчалив, задумчив, все время насторожен, словно ждал опасности отовсюду. Она видела: он охранял ее, но от кого – не знала. И, чтобы не думать, тренировалась без устали и надеялась, что в день премьеры случится чудо, и мама появится в зале. И все будет хорошо. Но без папы и Саши... Без них... без опоры... как что-либо могло быть хорошо?

Ролан крепко обнимал ее, заботился о ней, но больше не приходил ночами, разве только если ей снились кошмары. Тогда сквозь сон она ощущала, как он ложился рядом, прижимал ее к себе, и страшные сны уходили. Оставался только он, его объятие, его такая странная забота.

– Кто ты? – спрашивала она.

– Это не важно, – отвечал он.

– Почему ты заботаешься обо мне?

– Потому что у меня нет другого занятия.

Она подозревала, что пока он ждал ее с репетиции, уступал окружавшим его одиноким женщинам: иногда она ревниво замечала легкую небрежность в его одежде. Когда она попыталась возразить, он сухо ответил:

– Это моя природа. Я создан для похоти. Ты – нет.

– А для чего создана я?

– Ты – танец.

И он посмотрел на нее с такой тоской и обожанием, что Наташе нечего было возразить ему. Она и сама подчас переставала чувствовать, что она человек, что у нее могут быть обычные человеческие отношения и жизнь. Семья исчезла, Наташа оказалась одна, и был Ролан, за которого она держалась, как за спасательный круг. Подружки не знали, как реагировать на ее горе, на ее успех, и оставили в покое. И был только танец.

Мрачная история Жизели, которая раньше ей не нравилась, теперь обрела новые оттенки. Наташа стала понимать девушку-призрака лучше. Жизни у обеих практически не было: только танец, которому можно отдать всю страсть, одиночество, отчаяние, боль. И она танцевала Жизель с каждым днем все лучше. Преподаватели говорили, что если раньше сомневались насчет Наташи, потому что не чувствовали в ее подаче Жизели чувств, то теперь она сама была воздушным призраком, продолжающим испытывать человеческие чувства, все еще любящим, несмотря на пережитое предательство.

Инкуб глаз не сводил с нее в танце, когда ему разрешали приходить, он посещал все репетиции. Наташа парила над сценой, едва касаясь ее кончиками пальцев, воздушная и неземная. Он преклонялся перед плавностью ее рук, по-

воротом головы, который выражал отчаяние и боль, смирение или протест. Она словно перевоплощалась или, точнее, теряла плоть, потому он не испытывал влечения к ее телу. Но дать определение тому чувству, что теплилось в нем, вспыхивало при взгляде на нее, заставляло заботиться о ней, он не мог. Инкуб не знал любви, у него просто появилась необходимость заботиться о той, что превращалась в мотылька, птицу, бестелесного призрака, стоило выпустить ее из объятий. Прекрасная! Гибкая! Все в нем замирало, когда она летела спасать своего любимого, зная, что они не будут вместе.

Инкуб слышал, как шептались балетмейстеры: рождается новая звезда балета. И он гордился тем, что внесет лепту в рождение прекрасного, потому что никогда ничего не создавал в своем долгом существовании, которое теперь казалось ему пустым и бессмысленным до того дня, как он проник к девочке в спальню.

Одному ему было известно, что стоит за великолепием танца Наташи. Именно он снимал с нее пропитанные кровью пуанты, перебинтовывал ее мозоли, носил на руках, чтобы неземное и воздушное существо, оправившись, снова взлетало с его ладоней и парило по сцене.

И вместе с тем глухая тревога не оставляла его. Словно заноза сидела в душе инкуба мысль: они найдут их. Но кто эти «они», он не знал. Только понимал, что с их появлением произойдет нечто страшное и неотвратимое, что нарушит

состояние хрупкого равновесия, которое удалось ему создать для Наташи.

Глава 2

Настя, зевая, вышла из спальни и застыла, глядя на гостиную, совмещенную с кухней.

Ангел Габриэль жарил яичницу в майке «Не звони мне, звони ббб», Папа Римский смотрел очередную передачу, где публично ссорились, мирились и выясняли отношения какие-то люди. Попутно Папа читал им нравоучения, назначал количество покаянных молитв или просто шептал:

– В темницу... а на тебя даже яда жалко...

Настя, сонно протирая глаза, прошлепала босиком к плите, налила себе кофе и села за стол. Определенно ангел, с которым она столкнулась в ином Париже, и призрак Папы Римского, выпущенный ею на свободу в подземном секретном проходе в Ватикан, составляли странную пару соседей по квартире.

– Чем сегодня займешься? – спросил Габриэль, поставив перед ней тарелку с глазуньей.

– У меня свободный день.

– Тогда... – он замялся, потом поднял на нее взгляд своих синих глаз и попросил: – Может, составишь мне компанию?

– Конечно! – с энтузиазмом откликнулась Настя. – А что будем делать?

– Не знаю, заметила ли ты, но у меня по всему телу идет татуировка с нотами. Я хочу узнать, что это за мелодия. Воз-

можно, я как-то связан с Ноктурной, потому что мне казалось, что я виновен в произошедшем. Когда мы провалились в ее душу, все в ее доме показалось мне знакомым. Вдруг... знаю, звучит бредово... но вдруг эта татуировка не просто так?

– Знаешь, – задумчиво размешивая молоко в кофе, ответила Настя, – если бы ты сказал мне это где-то полгода назад, я бы посмеялась и ответила, что это бред. Но с тех пор... я словно поселилась в каком-то кошмарном сне, и уже все вокруг не кажется мне бредовым. Поэтому я, конечно же, займусь разгадкой твоей татуировки. Только вот я не знаю нот.

– Я тоже, – признался ангел. – Но тот продавец в музыкальном магазине может помочь нам, как думаешь?

– Кстати, хорошая идея. Завтракаем и едем. Сейчас напишу сообщение Диего, чтобы нас не потеряли.

– Настя... – Габриэль весь покраснел, как розы на его щеке. – Спасибо.

– Да не за что! Спасибо, что доверился мне.

Втроем (призрак увязался с ними) они вошли в магазин. Продавец сразу узнал их, радостно бросился навстречу, видимо, надеясь на еще один день ошеломительных продаж, но когда Настя озвучила просьбу расшифровать тату, немного опешил.

Однако уже через несколько минут Габриэль стоял перед ним, обнаженный по пояс, а продавец переписывал но-

ты на лист. Ангел медленно поворачивался, потому что ноты, переплетенные розами, располагались спиралью по его туловищу.

– Определенно, это музыкальная композиция, но только понятия не имею откуда. Сейчас попробуем наиграть.

Продавец сел за пианино, Габриэль быстро надел майку, и все они столпились вокруг, умирая от любопытства.

Мелодия зазвучала.

– Похоже на классику, – пробормотал продавец. Он проиграл ее сначала неуверенно, потом повторил более слитно и гармонично, не спотыкаясь.

– Я точно слышала ее раньше, – Настя ломала голову. – Знаете, у меня папа меломан, узнает любую музыку на слух.

Она позвонила отцу и коротко объяснила, что нужно опознать мелодию. Продавец проиграл ее еще раз. Отец помолчал, а потом ответил довольно уверенно:

– Это из балета «Жизель». Музыка Адана. Уверен почти на девяносто процентов.

– Спасибо, пап.

– Это музыка из балета, – сказала она Габриэлю, завершив вызов.

Они поняли друг друга с полуслова. Габриэль побледнел.

– Но надо убедиться, что это она, – торопливо поправилась Настя, когда они вышли из магазина. Она видела, что чувство вины съедает ангела, но не понимала, как можно чувствовать вину за то, чего не помнишь и в чем не уверен.

– И если это так? – отрывисто спросил Габриэль, шагая слишком широкими шагами.

– Тогда ты действительно являешься частью головоломки. Как и я. И мы не случайно встретились в Ином городе, – еле успевая за ним, ответила Настя.

– И возможно, мы найдем ее тоже. Через эту музыку, – внезапно остановился ангел.

– Вы оба бредите, – вмешался Папа Римский. Он слишком долго хранил молчание, наблюдая за всем процессом. – Но бред интересный, – уступил он, когда Настя посмотрела на него с осуждением.

– Музыкальный, – поправила она.

– Что – музыкальный? – не понял Габриэль.

– Музыкальный бред, – таинственно улыбнулась Настя.

Вечером они вышли из агентства вполне довольными: передали информацию Сержу и Итсаску, которые там дежурили, а сами поехали домой. По дороге Настя почувствовала вдруг жжение в солнечном сплетении, тоску, тягу, словно ее за неведомые нити тянуло к графу Виттури. Перед мысленным взором встал его особняк.

Так вот что ощущал граф, когда она призывала его... Настя решительно направилась к выходу из вагона.

– Нам не здесь выходить, – возмутился Габриэль.

Несмотря на отговоры, ангел и призрак довели ее до дома графа. Настя торопливо вбежала по ступенькам, махнула им

на прощание рукой. Дверь ей открыл все тот же молчаливый дворецкий.

Звуки скрипки доносились со второго этажа. Дворецкий просто жестом пригласил ее пройти. И она поднималась по лестнице, ведомая мелодией. Словно скрипка кричала:

– Иди! Иди сюда! Еще шаг и другой!

В этой необыкновенной, прекрасной музыке, которая то замирала, то вновь пробуждалась, то заходила в плаче, то переливалась трелями, чувствовалась боль, и она царапала душу. Так, наверно, звучит одиночество. В приглушенном свете шаги Насти проглатывал ковер на лестнице. И казалось, в мире нет больше звуков, только скрипка, которая просит ее прийти, подняться, ворваться, потому что дольше терпеть невозможно, потому что сейчас – ах! – сейчас лопнет струна, рассыплется в прах дерево, не перенеся этих страданий. На верхнем пролете Настя обернулась: дворецкий исчез, растворившись в полутьме холла. Она была одна.

Рука скользнула по перилам. Она рвалась вверх и не решалась. Но тут скрипка залилась слезами, потом словно прыгнула в пропасть, взвилась вверх, закружилась в ритме безумных переливов. Нужно было быть дьяволом, чтобы так играть.

И, войдя в зал, она увидела графа Виттури в свете горящего камина, по стенам плясали безумные тени, а он играл с закрытыми глазами, сливаясь с инструментом в одну угловатую подвижную тень.

В тот момент он сам был мелодией, где одиночество, боль, отчаяние, сопротивление, ярость, мощь сплетались в клубок, который она едва успевала распутывать, следуя за изменчивыми настроениями инструмента. Прервать его она не решалась. Каденция и возрастание, замирание, острая боль, барокко из торжества... Сражение, сражение, проигрыш, победа, торжество, отчаяние...

Она прижалась спиной к стене у входа, и слезы текли от красоты и боли, которой он делился с ней.

Он то замирал, нежно водя смычком, то весь взвивался, отчаянно ударяя им по струнам. Он всегда будет таким. На грани между добром и злом. Невероятный и прекрасный. Несчастный и такой любимый.

Граф Виттури вдруг вздрогнул и оборвал мелодию, резко повернувшись к ней. Некоторое время он молчал, огонь за его спиной не давал рассмотреть его лицо.

– Ты пришла... – сказал он наконец.

И шагнул навстречу, положив скрипку на столик, и Настя вдруг прикрыла глаза, слушая его шаги. Он коснулся рукой дорожки от слез на ее щеке. Потом ласково вытер их, заключив ее лицо в ладони.

– Не плачь. Не жалеяй меня.

Она замотала головой. Попыталась рассмеяться. Ткнулась лицом в его грудь.

– Прости меня, – прошептала. – Я всего лишь человек.

Он усмехнулся, обнял ее за плечи и прижал к себе.

– Я знаю, маленькая.

Настя отстранилась, полная решимости. Он с умилением прочитал в ее глазах, что она собиралась сказать, но не успел остановить:

– Только одна ночь.

Его резануло по сердцу ее отчаяние. Он уже сам не знал, зачем так звал ее, хоть и не надеялся, что она придет. Но теперь она здесь. Он не может лишить ее предназначения ради каприза, Избранная должна быть девой. Да и не хочет он ее на одну ночь. Ему и вечности будет мало.

– Нет. Одной ночи мало.

– Тогда чего ты хочешь? – она порывисто отвернулась, оскорбленная отказом. Щеки медленно заливались румянцем. Он слышал, как сердце билось учащенно и гулко, раненое его замечанием. Как она нетерпелива и юна! Словно почка на дереве по весне, нежно-зеленая, полная сока торопится раскрыться навстречу солнцу и тянется к нему изо всех сил. Она не знает, что солнце может испепелить и иссушить своим жаром.

Он повернул ее лицо к себе, мягко коснувшись подбородка. Опущенные ресницы вздрогнули и взметнулись вверх, и полные слез глаза обнажили перед ним душу. Голосом тихим, спокойным, даже с толикой грусти он объяснил:

– Путь рук по телу любимой, изгиб бедра под пальцами, жар кожи, распаленной поцелуями, полнота груди в ладони, прохлада ее стопы на твоём бедре... Шелк и запах волос,

вкус поцелуев, ее дыхание, голос, смех и слезы... За одну ночь не научиться находить с первого раза ямочки на пояснице, вкладывать в них палец, проводить по окружности впадинки, словно по резному орнаменту. Тело женщины – храм, который надо уметь читать, если хочешь понять, кому и зачем молишься. Если это не похоть, одной ночи всегда мало, запомни. Для этого нужно много ночей. Разных.

– Похоже на Песнь песней.

– Эта песня еще не спета, Настя.

И она снова смутилась. Ему нравилось смущать ее. Было в ней что-то такое, что вызывало умиление, похожее на то, что испытывает ребенок к котенку. Он знал, что она в его власти, что ему решать, жить ей или умереть, брать ее или хранить. И оттого хотелось больше всего на свете защитить ее доверчивость как можно дольше. Наивность и чистота дарили ему покой, наслаждение. Он не хотел ломать ее похотью и капризной страстью. Но знал он, что и любить ее ему не дано.

И как у него получалось всегда оставлять ее в дураках? То соблазняет одной ночью, то угрожает потерей души, то отказывает во всем и сразу, да еще так, что после этого остается только либо взять его силой, либо отступить. И так как демона силой не возьмешь, остается только последнее. Уходить надо с юмором и осторожно. Только глядя ему в глаза, в которых отражался огонь в камине, она видела: он лжет.

Желание ощущалось на кончиках его пальцев, в том, как он удерживал ее в своих руках. Не хотел отпускать. И одиночество скрипки снова пронзило ее душу.

– Ты пришла только поэтому?

Она накрыла его руки своими и кивнула:

– Только за этим. И я не уйду.

Это прозвучало как пощечина, как удар под дых. Он искал причины оттолкнуть ее, но не мог найти ни одной.

– Ты еще будешь просить пожалеть тебя, – голос демона прожигал насквозь. Опасность, притяжение, терпкость греха. Его пальцы слегка коснулись углубления над ее ключицей, пульс ее жизни с силой бился об них.

– Не стану, – почему-то шепотом упрямо возразила Настя.

Эта человеческая безбашенность и отвага.

– А я и не пожалею.

Он рывком схватил ее, притянул к себе, губы торопливо нашли ее рот и прижались к нему. Даже у демона есть предел, и он перемахнул его разом, и страсть закружила его, ослепляя своей сладостью и оглушая частым биением ее сердца. Настя задохнулась от тянущей боли в теле, от миллиарда ощущений, заполнивших сознание, она словно переставала существовать в его объятиях. Или становилась с ним одним целым. Демон так нетерпеливо целовал ее, с такой тоской и силой ласкал лицо, обозначая границы скул и линии бровей, что грань между пыткой и наслаждением была прозрачной и неощутимой. Больно и сладостно. Казалось, чем

глубже его пальцы вдаются в кожу, чем яростнее его губы вопьются в ее, чем крепче он обнимет, тем больше будет удовольствия после боли. Он первый остановился, понимая, что почти душит ее. Задыхаясь, больно сжав за плечи, приложив всю силу, он отодвинул ее от себя. Она подалась было снова к нему, но он глухо остановил:

– Нет. Я разрушу тебя.

Она поверила. Его глаза были черны, в них колыхалась черной жижей страсть и угроза. Опасность тысячью зрачков смотрела на нее оттуда, и злость в нем клокотала и выжила.

– Я знаю тебя, – уверенно сказала она, облизнув кровь от его укуса с губы, смело глядя в налитые болью глаза. – Ты сильнее всех. Ты лучше всех. Я не хочу твоей жалости, я хочу тебя.

Стон или рычание пророкотало в темноте, Зверь стоял перед ней, ошестинившись миллиардами острых стрел, она прижалась к нему, зная, что играет со смертью.

– Ты не зло, – горячо шептала она, чувствуя, как кровь с губы стекает по подбородку. – Ты выбор. Ты имеешь право выбирать и даришь это право другим. Я выбрала тебя. Выбираю тебя каждую минуту своей жизни. Я знаю тебя лучше, чем ты думаешь. Я чувствую тебя. Твоя боль – моя боль. Твое одиночество – моя печаль. Твоя страсть – моя любовь. Твоя похоть – мое желание.

Он медленно собрал языком бегущую по ее шее кровь, нежно прижался к губам, и поцелуй был солоновато-слад-

ким, нежным. Доверие к нему переполняло ее тело, она чувствовала себя невесомой. Как тогда, на балу, во время их первого танца. Ей даже казалось, она слышит ту волшебную музыку. Знает, что впереди будет счастье.

– Настя... – этот выдох принадлежал графу. Она улыбнулась. Зверь бежал, поджав хвост.

Что она могла сделать для него? Что еще могла отдать ему, подарить, предложить? Всем телом и душой она хотела согреть его, прогнать тени, мрак, зло. Ведь он был иным.

– Я принесу тебе только боль, маленькая девочка. Уходи. Схватив его руку, Настя развернула его ладонь и поцеловала. И с удивлением увидела, как кровь с губы, что никак не останавливалась, затекла в линии на ладони. У него теперь была определенная судьба.

– На моих руках твоя кровь, – горько прошептал демон. Она прижалась к его ладони щекой.

– Это ничего не значит. Я бы отдала больше, только попроси.

Он смотрел на ее светло-русую макушку, не в силах сказать ей, что она умрет, а он ничего не сделает для того, чтобы спасти ее. Он предаст. Чтобы спасти остальных.

Она так доверяла ему... Доверие и любовь двигали этой хрупкой девушкой, чьи зеленые глаза, казалось, всегда грустны. Она росла, становилась мудрее, училась следовать своим путем. Он не имел права теперь столкнуть ее с этой стези. Ему стоило столько трудов направить ее. А теперь все, чего

хотелось: накрыть своими крыльями и не отдавать никому. Даже Ему. Особенно Ему.

– Тогда оставайся, я велю подготовить тебе комнату. Побудь со мной. И всеми моими демонами. Но твоя душа пусть останется с тобой. Не сегодня.

Она кивнула.

Пока они перебирали предметы-воспоминания в его кабинете, где он слушал ее удивленные возгласы или чувствовал, как она замирает от благоговения перед тем, как прикоснуться к вещи, полной истории, пока ужинали вдвоем, сидели у огня, смеялись, он забыл о времени. Не слышно было этого надоедливого пульса секунд, который так часто сводил его с ума в темноте. Она заполнила пустоту рядом с ним. Вечную пустоту, которой, казалось, нет конца. И даже когда она заснула на диване, доверчиво положив голову ему на колени, – даже тогда в наступившей тишине демон слышал только спокойное биение ее сердца.

Глава 3

Голоса стали звучать в голове, когда Настя гуляла на следующий день по лесу с Ликой и Диего. Это был мужской хор, который растягивал слоги так, что даже непонятно было, на каком языке поют.

– Ты слышишь? – спросила она у Лики.

– Что именно? – спросила ангел.

– Как они поют.

– Птицы?

У Насти было ощущение, что она на службе в соборе, а не в лесу. Она запрокинула голову, чтобы убедиться, что над ней кроны деревьев, своды ветвей и листьев, небо, а не потолок храма. Ну, ладно. Поют, и славно. В конце концов, поют прекрасно, пусть это и потусторонние, нездешние голоса. И она пошла дальше, прислушиваясь к пению, проводя в задумчивости рукой по веткам кустарника и стволам деревьев. И вот тут она впервые увидела ее.

Серебристая субстанция при прикосновении к ветвям отделялась от них и тянулась к ее пальцам. Настя остановилась, замороженная зрелищем. Вот она касается плюща, обвинившего дуб. И от остроконечных листьев струится потоком, тянется к ней сверкающая, прозрачная дымка.

Лика и Диего, думая, что она остановилась подпитаться энергией, сели на ствол упавшего дерева, ангел достала воду,

бутерброды, термос с кофе.

– Настя, когда сможешь, приходи к нам! – крикнула Лика.

– Угу, – Настя пыталась понять, что это такое.

Приложив ладонь к сосне, она подержала ее, а потом убрала: из ствола вслед ее руке потянулась ржавого цвета мерцающая дымка.

Мысленно Настя взмолилась Старой Матери: «Что ты еще за муку придумала мне, ведунья?»

– Я лишь награждаю тебя, – послышался голос позади нее.

Настя резко обернулась. Старуха стояла перед ней в образе прекрасной лесной девы в одежде из мха и листьев, с ветвями, вплетенными в волосы, по которым прыгала, тренькая, коричневая птичка.

Но это была Старая Мать, Настя чувяла ее звериной своей сутью.

– Тебе нужны будут силы, чтобы сопротивляться злу. Ты мой воин, я выбрала тебя из всех жриц: прошлых, настоящих и будущих.

– Ты не выбирала, меня привел демон, – возразила Настя.

Смех серебристым колокольчиком разнесся по лесу.

– Я знала тебя задолго до того, как о тебе узнали демоны. Задолго до того, как ты заговорила. Я – сама жизнь, Настя, и вынуждена признать, что все это время я приглядывалась к тебе с недоверием. Но ты сильнее, чем думаешь. Только...

– Только что?

На лице Старой Матери отразилось сомнение.

– Только силы зла все сильнее, моя волчица. И боюсь, что всех сил земли не хватит, чтобы противостоять ему. Оно разрушит все, что я создавала, все, что создавал Он. Я только надеюсь, что ты найдешь путь.

– Почему я?

– Так получилось, – равнодушно пожала плечами Старая Мать. И ехидно добавила: – Разве не приятно на время стать равной богам?

– Демон говорит, я погибну в сражении. Это так?

– Демон во многом прав. Боюсь, что часть тебя погибнет. Но все живое смертно, Настя.

– Дальше следует разговор о бессмертии души? – язвительно спросила Настя. Ее сильно злило, когда бессмертные с такой легкостью говорили о ее смерти.

– Я не стану говорить того, что ты поймешь и без меня. Загляни в душу к ангелу – увидишь там мрак, загляни в душу к демону – возможно, увидишь свет... А человеческие души хрупки, непостоянны: умирают сами по себе, растворяются, возрождаются, остаются навеки призрачными. Ты это знаешь и без меня, говорящая с призраками. Ты видишь души мертвых и можешь заглядывать в души живых.

Мороз пробежал по коже Насти. Сколько всего она хотела спросить у Матери, но не решалась, потому что боялась ее больше демонов. Было в Матери, в этой силе природы что-то безудержное и дикое, совершенно неразумное, чего не было даже в демоне. В каком-то смысле ближе всего к ней стояла

Ноктурна, только была ее негативом, разрушительной, не создающей мощью.

– Зачем наделять меня, смертную, такой силой? Почему ты не выбрала того, кто живет дольше?

– В человеческой хрупкости есть своя красота. Вы же сами создаете прекрасные вещицы, порой очень хрупкие и недолговечные.

Прекрасно... она для богов всего лишь милая хрупкая вещица.

– Ненавижу тебя.

Старая Мать засмеялась. Красивая девица растворилась, и перед Настей снова стояла старуха с бельмом на одном глазу. Второй менял и цвет и форму, становясь то птичьим, то кошачьим, то змеиным, то человеческим. Настоящая Баба-яга.

– Мне все равно, что ты чувствуешь, – костлявый палец с длинным ногтем ткнулся в грудь Насти. – Мне важно, что ты знаешь, что этот мир надо спасти. И ты сделаешь все для этого.

И она исчезла. Настя закрыла глаза.

Если бы она была богом, разве разрешила бы грызться остальным? Если бы она была природой, разве не сохраняла бы, вместо того, чтобы разрушать? Если бы она была ангелом, было бы в ее душе место для зависти? А если была бы демоном – разве стала бы рушить ею не созданное? Но ее место ничтожно, она человек. Такой маленький и потерянный,

что хочется остановить всех ангелов, демонов и прочих тварей, заорать на них, чтобы они уgomонились уже и перестали вырывать друг у друга несуществующие бразды правления.

– Настя!

Она обернулась. Лица улыбалась ей и махала рукой.

– Иди к нам, а то Диего прикончит твой бутерброд!

Улыбка помимо ее воли появилась на лице. Позабыв о Старой Матери, об энергии леса, Настя пошла к друзьям.

Диего ломал пальцами сухую веточку, пока прислушивался к трепу девчонок. Лица сползла со ствола упавшего дерева и сидела, прислонившись к нему спиной, на опавших листьях и мху. Настя пребывала в глубокой задумчивости. Диего попытался проникнуть глубже в ее мысли и вздрогнул, когда на него прыгнула белая волчица. Не сразу осознал, что это случилось не наяву, что она выгнала его из сознания Насти. Но он все равно знал, что девушка связалась с графом Виттури, что-то между ними определенно происходило. И оборотень был зол на графа из-за этого. Не из-за Насти. А потому что граф запретил ему даже смотреть в сторону Лики.

При одном только взгляде на ангела оборотню становилось тоскливо. Как же Лица живет и не чувствует себя одинокой? Неужели за все время ее земного существования она не влюблялась? Он покосился на вырез ее майки, спустился взглядом до бедер. Это безумие желать ее постоянно, желать

ангела. Граф верно говорит: Диего преступен в своем влечении.

Диего был последним, кто заметил опасность. Настя почувствовала, как напряглось тугой стрелой тело белой волчицы, прежде чем осознала, что лес молчит. Лица вдруг переменялись в лице и начала подниматься. В этот момент волчица выскочила из Насти и зарычала. Лица вскрикнула и схватилась за лук и стрелы, но не успела вставить стрелу – повалилась на бок, застонав от боли.

Диего обернулся, увидел шестерых ангелов, приближающихся к ним, и перекинулся. Встав плечом к плечу с белой волчицей, он оскалил клыки и зашипел. Шерсть встала дыбом, когти от напряжения вонзились в сырую землю.

Михаил с лицом, полным презрения, мельком взглянул на животных и перевел взгляд на Настю.

– Время платить долги.

Настя поняла его: в Риме он уступил ее просьбе, оставил ее с друзьями. Но теперь архангел был настроен решительно. Кулон опять раскалился и жег кожу. Настя знала, что не должна отдавать его Михаилу в руки, но шестеро ангелов запросто искрошат Диего и волчицу, а Лица не могла действовать против них.

Поэтому она расстегнула цепочку и протянула темнеющий от накала кулон Михаилу. Он схватил его, но тут же отдернул руку, кулон упал в траву, и легкий дымок начал клубиться от сухих листьев.

– Подними.

Настя послушно подняла его. Он был горячим, но не настолько, чтобы обжечься.

– Ты пойдешь с нами.

Настя призвала волчицу, и та исчезла. Диего сделал было шаг к ней, но она остановила пантеру:

– Нет, Диего. Остайся с Ликой. Предупреди графа.

А сама мысленно призывала его, желая больше всего на свете, чтобы он оказался между ней и Михаилом. И она сделала шаг навстречу архангелу. Потом еще.

Земля почему-то ощущалась вязкой под ногами. Она так сильно зажала в ладони кулон, что ногти и края кулона вонзились болезненно в кожу.

В упор она смотрела на Михаила. В чем заключается его игра? Чего он хочет от нее?

Архангел крепко схватил ее за плечо. Настя обернулась на Диего, который склонился над Ликой.

– Закрой глаза.

Настя послушалась.

– Открой.

Она в ужасе огляделась: они находились уже не в лесу, а посреди лавандового поля, которому, казалось, нет ни конца ни края. Настя решила не задавать вопросов и вообще никак не общаться с архангелом. Она надеялась только, что демон сможет найти ее. И снова обратилась к нему с призывом.

В этот момент Михаил ударил ее прямо в солнечное спле-

тение.

Диего никогда не видел графа Виттури таким. Когда он материализовался перед ними, оборотень пытался поднять Лику и успокоить ее. Ангел рыдала навзрыд. Сначала граф бросился к Лике, оттолкнул Диего, прижал ее к себе, но почти сразу отпустил: он не мог ей помочь силой, они были разными.

– Все хорошо, все хорошо, – он ласково вытирал ей слезы, градом катившиеся по щекам.

Лику трясло.

– Я не смогла ничего сделать, я не смогла. Они ее забрали!

– Ничего, ничего.

Диего с завистью смотрел, как пальцы графа вытирают слезы с фарфорового личика ангела. Синие глаза Лики с надеждой и какой-то необыкновенной верой посмотрели на демона.

– Вы же спасете?

– Я все миры переверну, чтобы ее найти. Она позовет меня, я уверен, – в его карих глазах при взгляде на Лику было столько золота, что Диего невольно засмотрелся на демона.

И тут лицо графа стало серым, и он стал медленно оседать. Лика подхватила его и удержала, чтобы он не упал. Диего тоже присоединился к ангелу. Тут уже не до глупой ревности. Ничто не может быть страшнее уязвимого демона. Это внушает ужас.

– Господин граф, – Диего в ужасе смотрел на то, как чернота застилает золотистый свет в глазах графа Виттури. Тут же граф взвыл страшным, потусторонним голосом и исчез.

Лица всхлипнула.

– И что теперь?

Диего крепко ее обнял.

– Надо вернуться в агентство, и как можно скорее.

Когда она начала приходить в себя, первое, что поразило ее, это то, что земля не дает ей сил. Настя уже так привыкла к этому потоку, который постоянно тек в нее от земли, что одно осознание того, что она лежит среди кустов лаванды, а сила не идет, заставило очнуться. И тут же вернулась боль. Она закашляла, вытерла рот: он был в крови. Приподнялась на руках. Солнце было ярким, но она не ощущала жары. Не пахла земля, не пахла лаванда вокруг. Она провела рукой по головкам цветков: ничего.

Настя была одна посреди бесконечного лавандового поля. Вдруг вспомнив, судорожно разжала руку: кулон был на месте, впечатался в ладонь, оставив багровые следы. Она собралась с силами и повесила его на шею. Попытки вызвать демона только усиливали боль во всем теле. Что они с ней сделали? Где она?

Настя боялась и думать о том, что Михаил каким-то образом оборвал ее связь с графом Виттури. Что лишил ее спо-

способности брать силу из природы. Было ощущение, что она обнажена и беззащитна. Лавандовое море вокруг взволновалось, но она не чувствовала ветра. Настя заплакала, уткнув голову в колени. Еще никогда она не воспринимала себя такой одинокой.

Голос архангела раздался над ней так неожиданно, что она вздрогнула от страха. Подняв голову, увидела Михаила и от ненависти к нему сжала кулаки.

– Ты будешь делать то, что я прикажу тебе! – холодно приказал он.

– Никогда! – из последних сил крикнула она.

– Тогда ты останешься здесь навсегда. Подумай. Я вернусь завтра.

Архангел исчез. Настя долго сидела на земле, согнувшись, глядя в одну точку. Потом встала, снова села. Сил не было ни на что. Казалось, лавандовое поле питается ее силами, потому что чем больше она проводила времени на нем, тем слабее была. Вскоре Настя легла на землю, мечтая о том, чтобы уснуть и никогда не просыпаться. Одиночество было громоздким, огромным, оно давило на нее, как пресс, голова была тяжелой.

Ее разбудил голос Михаила.

– Ты будешь делать то, что я прикажу тебе. Тогда мы спасем мир.

Спасем мир! Если бы она могла, то рассмеялась бы. Но сознание уже мутилось, оставалось только еле разлепить пере-

сохшие губы, чтобы ответить, не открывая глаз, едва слышно:

– Нет!

– Я вернусь еще через сутки. И это будет последний раз.

И снова безмолвие мира, который пожирал ее, уничтожал.

Убивал.

Бодрящий холод от металла, прижатого к щеке, вырвал Настю из темноты. Чьи-то пальцы, смоченные в воде, коснулись ее потрескавшихся губ, увлажнили их, и неизвестный голос мелодично произнес:

– Пей, Анастасия.

И горлышко фляги прижалось к ее губам. Настя жадно глотала воду. Такую сладкую, такую прохладную. Ничего не было вкуснее. И силы стали возвращаться. Она еле разлепила глаза.

Не сразу она узнала склонившегося над ней парня. Его лицо было озарено ярким светом, он улыбался ей так нежно и по-доброму, что хотелось расплакаться и уткнуться ему в плечо.

– Не бойся.

Она и не могла его бояться. От него шла волна любви и прощения, невероятно сильная, наполнявшая ее надеждой.

– Пей, Анастасия, пей еще.

Она послушно пила, наполняясь силами, но он по-прежнему поддерживал ее голову.

Потом помог сесть.

– Я знаю тебя, – ее лицо было совсем близко от его, но стоило ему лишь улыбнуться, как волна тепла и счастья словно опрокинулась на нее, накрыла с головой.

– Конечно. Мы уже встречались.

– Подвеска, – вспомнила она. – Это ты мне ее принес.

Он не ответил, только нежно дотронулся до ее щеки, вглядываясь в нее своими солнечными глазами.

– Да. Я помогу тебе выйти отсюда.

Рафаэль дотронулся до век девушки, и она уснула, обмякнув у него на руках. Он поднял ее с земли, Настя была легкой, как перышко. Еще немного, и он бы опоздал. Живому человеку плохо в междумирье, даже души стараются не задерживаться в нем надолго. Он накрыл ее крыльями и перенесся на крышу дома в Барселоне. Демон стоял напротив него. Рафаэль раскрыл крылья и показал ему спящую Настю.

– Я в долгу перед тобой.

И Рафаэль впервые испытал что-то близкое к ужасу, когда увидел, как Самаэль опускается перед ним на колени. Бунтарь, которого не мог смирить даже Он. Тот, кто шел всегда своей дорогой, не обращая внимания на кару и наказания, вопреки им. Потому что считал себя правым, верил в то, во что все уже перестали верить. В людей. Непокорный, мятущийся, гордый... Его сила и воля внушали архангелам трепет и ужас. И вот он опускается перед ним на колени. Потому

что Рафаэль держит на руках хрупкую и маленькую жизнь, которая, видимо, слишком много значит для Самаэля, чтобы помнить о гордости. Внутри архангела все сжалось от сочувствия и любви.

– Нет, – остановил он его. – Нет. Не надо, брат.

Самаэль дернулся, будто ему дали пощечину.

– Я не брат тебе, – прорычал он. – Я демон, ты – архангел.

Я твой раб, если хочешь.

– Ничего не хочу, Самаэль.

Он осторожно положил Настю перед стоящим на коленях демоном. И сам опустился перед ним на колени.

– Ничего не надо от тебя. Ты не раб, я не хозяин. Мы оба любим то, что перед нами. Этот мир.

И Рафаэль исчез. Демон склонился над Настей. Боль в солнечном сплетении отозвалась глухим пульсом. Все это время он метался по мирам, искал ее, в ужасе ощущая пустоту там, где прежде была связь с ней. Он боялся, что они убили ее. И они почти убили. В отчаянии, когда явился на его зов Рафаэль, демон был готов на все, лишь бы Настя снова оказалась рядом. Он уже не помнил, что обещал ему, Рафаэль только кивнул и исчез. И теперь, когда Настя спала перед ним, он все еще не верил, что она жива.

Потому что пустота внутри по-прежнему причиняла боль. Он дотронулся до щеки Насти. Девушка спала глубоко и только вздохнула во сне.

Что он наделал... подставил под удар этого ребенка, чело-

века. Он собирался принести ее в жертву, а сам в свое время остановил другое жертвоприношение, бессмысленное... а теперь? Разве эта жертва имела большой смысл? Разве стоит спасения мир, если ради него надо убить невинное дитя? Он сам, взбунтовавшийся против, павший... Своими руками делает то же самое, против чего восставал. Не в этом ли ирония Отца? Ведь, похоже, именно по его воле тогда, на балу, он был связан с Настей...

Ладонь скользнула с щеки на шею девушки, пальцы остановились на том месте, где ее кровь подавала сигнал жизни. Размеренный, спокойный. Сейчас ее душа пребывает в прекрасном сне, далеко от него. Так далеко, что не хочет возвращаться. Медленно от шеи он провел рукой до ее солнечного сплетения. Возможно, они навсегда потеряли друг друга. И ему будет не хватать ее. Но, может, так лучше для них обоих...

Как глубоко она спит... Самаэль почти может различить тень сновидений на ее веках, загнутые светлые ресницы иногда дрожат, и он завидует ее способности видеть сны. Он склонился к лицу Насти. Имеет ли он право прервать этот сон? Может ли? Но чем ближе наклонялся, тем неодолимей было желание поцеловать ее. И он слегка коснулся ее губ самым чистым из всех поцелуев демона.

Словно плотина прорвалась внутри, впуская золотой поток ее силы, закручивая вновь связь между ними. Он в восторге застонал, ощущая тепло этой связи, ее свет. Рукой по-

двинул девушку ближе к себе, соединяя их тела на уровне солнечного сплетения, дрожа от силы, с которой вновь прорастала в нем и в ней эта связь. Когда все закончилось, он отпустил ее, зная, что они снова вместе. Она открыла глаза, поморгала, будто не верила, что видит его перед собой.

– Демон, – прошептала она, – ты мне снишься?

Он улыбнулся и провел рукой по ее лицу.

– Земная, я так рад, что ты вернулась.

– Поверить не могу. Михаил мог тебя угробить, – Лика вся дрожала от негодования. – Как он мог так поступить?

– В каждом ангеле живет демон, – сухо ответил граф Виттури.

Он принес Настю в агентство, где уже были все в сборе. Рассказ Насти вызвал бурю эмоций: жестокость Михаила не имела объяснения и оправдания.

– Пока ты проходила ароматерапию в лавандовых полях, я нашла нашу балерину, – вставила наконец в поток бурных обсуждений архангелов свои пять копеек Итсаску.

– Мы уже готовы к поездке, не хватало только тебя, – Серж протянул ей распечатанные билеты.

– «Премьера «Жизели». Молодежная труппа Большого театра». Ничего себе... эта девочка танцует в Большом?

– Представь себе. Вылет вечером. Я поеду с тобой за вещами, – ладонь графа Виттури легла на ее руку. Он не отпускал ее теперь ни на шаг от себя, и это не укрылось ни от

кого из агентов. Серж добродушно еле сдерживался, чтобы не подмигнуть Итсаску, Джонни пытался скрыть улыбку рукой, которой приглаживал светлую бороду. Цезарь в тревоге наблюдал за каждым движением графа, словно боялся, что тот вот-вот съест Настю. Итсаску и Рита делали вид, что ничего не видят. Диего откровенно злился. Анжелика только тревожно следила за Настей, словно если бы та возмутилась, Лика нашла бы тут же графа Виттури стрелами. Габриэль мрачнел на глазах, а Папа Римский пообещал Насте очистительную мессу во спасение ее души. Насте было все равно, что думают остальные. Убедившись в том, что с графом по-прежнему есть связь, она расслабилась под его опекой. Пока он рядом, бояться нечего.

– Но что именно мы собираемся делать? – спросила она.

– Для начала поговорить с ней. Мы уже выяснили ее биографию. Ее мать пропала, брат и отец умерли. Она подходит под параметры поиска. Необходимо убедиться, что это именно дочь Ноктурны.

– А потом?

– Потом будет ясно. Порой будущее скрыто от нас в тумане, пока не сделаешь шаг, не увидишь, что там дальше.

Настя кивнула.

Глава 4

На паспортном контроле в аэропорту Шереметьево в Москве пограничник долго и придирчиво изучал паспорт Анастасии. Девушка с ночного рейса из Барселоны выглядела подозрительно: он видел, что пока она стояла в очереди, то и дело разговаривала сама с собой. Затем поставил с грохотом печать, и девушка прошла. Впрочем, компания, что выстроилась за ней, была еще необычной: высокий, черноволосый, красивый мужчина шагнул к контролю сразу после нее. Гражданин Италии Виттури. Как пограничник ни пытался придрататься, но виза была особенной, дипломатической. Карие глаза мужчины с насмешкой наблюдали за тем, как он изучает его паспорт.

– Проходите, – наконец проштамповал его паспорт пограничник.

Брюнет с ухмылкой забрал паспорт и прошел. Следующей была блондинка с синими глазами, служащий не удивился, что она оказалась русской. За ней шагнул мужественного вида блондин с бородой и собранными в хвост волосами. Он оказался гражданином Великобритании. И так же, как и предыдущий иностранец, он насмешливо наблюдал за действиями пограничника одним глазом. Второй был закрыт кожаной повязкой, придававшей ему вид пирата. Следом проплыла шикарная рыжая ирландка с таким размером груди,

что парень поставил штамп, не отрывая взгляда от выреза ее красного платья. Рыжая нахально улыбнулась ему, отчего служащий покраснел. «Вот ведь ведьма!» – подумал он, пытаясь узреть пятую точку красотки, когда она уходила. Потом был неприятный испанец с зелеными глазами и такой необычной внешностью, что это даже смущало. Затем шла пара – испанка и француз, парень добродушно улыбался, а испанка, одетая в какие-то странные тряпки, сверлила пограничника таким взглядом, что могла бы работать на паспортном контроле сама. И завершали этот безумный ряд лиц пожилой итальянец и синеглазый синеволосый парень с пирсингом и в татуировках, которого по паспорту звали Габриэлем. Тоже странная парочка. Но к документам было не придраться. Когда вслед за ними оказалась обычная семья с орущими детьми, пограничник даже выдохнул от облегчения. Ну и ночка!

– У тебя и в Москве есть дом? – спросила Настя, когда граф назвал водителям один и тот же адрес, и они все расселись по такси.

– Конечно, – он сел на этот раз вместе с ней на заднее сиденье, с другой стороны пристроился Габриэль, а Папа Римский расположился рядом с водителем. Рукой граф приобнял девушку и привлек к себе, и она со вздохом положила голову на его плечо. – Я долгое время жил в Москве. Как-нибудь я расскажу тебе об этом.

Его голос приятно ласкал слух. Она закрыла глаза, пытается расслабиться и подремать еще немного, но мысль о том, что она в Москве, а дома показаться не может, все равно крутилась в голове. Но как же было хорошо, когда демон рядом! Тепло, спокойно и вот это постоянно щекочущее состояние счастья, словно легкое касание перышка... Если бы не Ноктурна и ее угрозы, как было бы здорово и дальше расследовать странные кражи и исчезновения, разгадывать мистические загадки и раскрывать преступления, которые обычно занимали время агентов до того, как началась вся эта история с картинами. Но... Настя могла бы и не попасть тогда в агентство и не познакомиться с графом Виттури. Если бы она не столкнулась тогда с мальчиком-воришкой, никто бы не узнал, что есть такая девушка, для которой что призраки, что живые... Все одно.

Нет. Теперь уже невозможно представить свою жизнь без друзей из агентства, без этих приключений. Без него.

После того как Настю похитили ангелы, граф Виттури не скрывал уже своего особого отношения к ней, и очень часто она оказывалась у него под крылом. Вот как сейчас. Он словно боялся отпустить ее лишней раз, чтобы она снова не попала в беду. И Настя, зная, что он лишь оберегает ее, готовя в жертвы, не тешила себя иллюзиями. Но иногда... Иногда она просто давала себе возможность полностью расслабиться, довериться ему, позабыть о своем страшном будущем, о его темной природе... и просто опустить голову

ему на плечо. Закрывать глаза...

– Приехали, – его губы слегка коснулись ее лба.

И она со вздохом вышла из такси.

В свете фонарей двухэтажный особняк казался маленьким. Но внутри был просторный холл, очередной молчаливый дворецкий, чистые и подготовленные к приезду гостей комнаты и быстрый ужин.

Пока агенты проглатывали вкуснейшие канапе и салаты, граф Виттури подошел к окну. На улице под фонарем стоял человек и смотрел прямо на него. Азазелло. Граф Виттури ухмыльнулся. Они всегда рядом. Надо быть настороже.

Московские агенты уже начали слежку за балериной и одновременно незаметно ее охраняли. Но, возможно, Азазелло здесь вовсе не из-за этой девчонки-танцовщицы. Граф посмотрел на Настю. Она нужна Ноктурне. Придется ночью дежурить в спальне у девушек.

Он перевел взгляд на Лику. Ангел о чем-то беспечно болтала с Диего, оборотень пожирал ее глазами. Не к добру это все. Не вовремя.

– Лику, – позвал он.

Ангел подошла к нему совсем близко.

«Глупышка», – подумал граф, глядя в ее доверчивые синие глаза. Такая еще неразумная, несмотря на века жизни.

– Азазелло здесь, – тихо сказал он ей. – Будь начеку. Я приду к вам ночью. Настя должна выспаться, поэтому ничего

не говори ей.

Ли́ка кивнула. Потом замялась.

– Спрашивай, – разрешил он.

– Почему Михаил украл Настю?

– Потому что он хочет использовать ее в своих целях.

Но не может заставить, ему нужно ее согласие. Думаю, его привлекает роль спасителя мира. Хочет примерить ее на себя за счет одной маленькой смертной.

– А ты? – Ли́ка заметила, как граф посмотрел на Настю. – Разве ты не желаешь того же?

– Я не желаю быть спасителем. Эта роль не из моего репертуара, – граф перевел взгляд с Насти на Ли́ку. – Но если мы хотим и дальше играть человеческими душами, то придется уничтожить Ноктурну.

– Дело ведь не только в этом? – настойчиво спросила она.

Он терпеливо вздохнул.

– Не только. Но какая разница? Путь спасения человечества всегда усеян трупами и залит кровью невинных, Ли́ка. А потом ты смотришь на тех, кто спасся, и не знаешь, достойны ли они совершенных жертв. Как правило, недостойны.

– Ты же знаешь, демон, что не нам решать, кто достоин, а кто нет.

– Да, мой ангел. Ты права.

Он как-то слишком легко уступил ей, Ли́ка с подозрением покосилась на графа. Но тот опустил в кресло, сцепил

руки, переплетая пальцы, и замер так в ожидании, когда все разойдутся по комнатам.

– Зачем ты сегодня так провоцировала пограничника? – Локи помог Рите расстегнуть молнию на платье, наслаждаясь тем, как сантиметр за сантиметром обнажалась белая, мерцающая при свете зажженных свечей кожа на ее спине.

Рита засмеялась от вопроса и легкой щекотки, когда бо-рода викинга коснулась спины перед тем, как он поцеловал ее между лопаток.

– Он просто попросился, ревнуешь? – она повернулась к нему, озорно сверкая зелеными глазами.

– Ведьма моя...

Рита прикрыла глаза, пока Локи ласкал ее лицо, бережно заключая его в ладони, чуть касаясь скул подушечками пальцев.

– Ты – само пламя, сама жизнь. Я пьян тобой до беспмятства.

Локи запрокинул ей голову, придерживая затылок одной рукой, другой ласкал доверчиво открытую шею, нетерпеливо спускаясь все ниже до так заманчиво выпиравших ключиц, которые делали ее еще более хрупкой. Пальцы Риты вплелись в его светлые волосы – движение, которое неизменно пробуждало в нем вождление. Он сам не мог понять, как подпал под власть рыжей ведьмы, но был счастлив, что она выбрала его, потому что уже не мог представить свои но-

чи без ее страсти, такой пылкой, что порой он терялся перед тем сокровищем, которое досталось ему случайно.

Она была озорной, нежной, страстной, сам огонь, который не может гореть ровно, которому надо танцевать на углях, ласкаться и отпрыгивать, маня за собой.

Ее тело было божественным, Локи в нетерпении раздел ее, чтобы еще раз увидеть, еще раз убедиться, что она есть, что она с ним. Рита чуть прикусила его губу, засмеялась, запустила руки под майку, проведя пальчиками по его широкой мускулистой спине. Викинг зарычал, ведьма озорно улыбнулась, взметнув на него мимолетный красноречивый взгляд. Они понимали друг друга с полуслова, оба готовы были шутить и дурачиться наедине друг с другом, они были детьми, которым доступно волшебство спонтанности без запретов свыше и без контроля взрослых.

Итсаску залпом осушила бокал с кровью, который ей преподнес дворецкий. Ей нравились эти безмолвные слуги демона, ненавязчивые и почти незаметные. Почувствовав, как солоноватая жидкость пузырьками лопается во рту, входя в химическую реакцию с ее слюной, вампирша закрыла глаза от удовольствия.

Она вернула бокал на поднос и подошла к Сержу, который с любопытством разглядывал канапе.

– Ищешь в нем встроенное устройство по отслеживанию вампирш? – спросила она, прижимаясь к нему.

– Нет, – улыбнулся парень, – пытаюсь понять, из чего сделан соус. Чтобы повторить потом дома.

А будет ли это потом? Но Итсаску не задала этого вопроса, просто вытащила у Сержа канапе, положила в рот и проглотила, с наслаждением облизнувшись.

– Хватит играть с едой, – потянула она его из комнаты. – Я хочу сыграть в нечто другое.

Серж последовал за ней покорно, но когда они оказались в темном коридоре, прижал ее к стенке и поцеловал. Это было головокружительно. Им всем необходимо было расслабиться, она чувствовала в нем ту же скрытую ярость и отчаяние, что и в себе. Он все это время тоже думал, что они обречены, но никак не выдавал себя. Но сейчас, в его яростном напоре Итсаску осознала всю глубину его страха перед будущим. И подчинилась с радостью, вступила в борьбу, они ворвались в свою спальню подобно торнадо, разбросали одежду, дрались, пытаясь пересилить один другого в порыве страсти, пока наконец, обессиленные войной, где нет победителей и побежденных, не уснули, тесно переплетаясь друг с другом.

Папа Римский вышел из их спальни, просочившись сквозь дверь. У него сегодня был просто праздник, обе пары дали потрясающее представление. Жаль, мавр не добился взаимности у ангела, а то было бы тоже интересно посмотреть. В комнату девушек он не пошел: там сидел в темноте демон и охранял их сон. Призрак долго слонялся по особ-

няку, не в силах успокоиться. Что-то тревожило его душу на этой земле. С того момента, как он сошел с трапа, беспокойство не давало ему покоя. В рассеянности он подошел к окну и обомлел: на улице под фонарем стоял демон с красными глазами. Папа Римский невольно перекрестился. Страшенный, как само зло: весь покрыт волосами, куриные лапки вместо ног, глаза красные, клыки выпирают из нижней челюсти. А вокруг него вся улица заполнена призраками и демонами. Родриго Борджиа аж передернулся от ужаса: если такие твари поджаривают его современников в котлах с кипящим маслом, быть призраком не самое тяжелое наказание. Небеса даже оказались милостивы к нему. Но за говорящую с призраками все-таки страшно. Настя не выдержит и минуты среди такого количества призраков. А они все стояли безмолвно, глядя на окна особняка. И кого тут только не было. Надо предупредить ее завтра же утром. Ей нельзя выходить на улицу.

Но к утру призраки рассеялись. Ребята после завтрака ждали московских агентов на совещание перед премьерой. Настя нашла в библиотеке графа книгу по демонологии и некоторое время пыталась разобраться в сложной иерархии, но потом нетерпеливо захлопнула ее и положила на стол. Падшие ангелы были главными, это она знала и так. Боги вроде Локи были демонами пониже, но тоже вполне сильными и могущественными. Суккубы и инкубы в основ-

ном питались сексуальной энергией людей. Демоны вроде Азazelло были созданиями темными, но не порождениями Люцифера, а появлялись, как и мелкие божки, словно сами по себе, возможно, будучи плодом темной стороны природы.

Старая Мать вполне могла сотворить их назло своей второй половине, Отцу, как понимала Настя. Видимо, они создавали этот мир вместе, но потом произошел конфликт. И сначала все поклонялись природе, то есть Матери, а потом совершился переход поклонения к Богу Отцу. Но Старой Матери явно не хочется разрушать этот мир. Она выбрала Настю. Наделила ее силой, зная, что Настя не сможет обладать ей вечно, потому что уязвима и хрупка. Получается, что ее руками Старая Мать пытается вытащить из огня жареные каштаны. А потом что?

Настя обхватила себя за плечи руками. Но тогда как понимать подачу с кулоном от Рафаэля? Получается, Бог тоже в игре? И она одновременно является пешкой и для демона, и для Матери, и для Бога? Все стараются перехватить ее и сделать ход, даже Михаил. Даже Азazelло. В чем ее сила?

Она сжала кулон крепче, задумчиво грызла цепочку, прокручивая в голове возможные ходы всех сторон. Но в tomto и проблема, что она всего лишь смертная, всего лишь девушка, куда ей до разборок демонов и богов. И все же... Дело в ней.

– Настя, – Лика вошла в библиотеку, неслышно ступая каблучками по пушистому ковру. Ангел переобулась с утра

в туфли-лодочки и надела простое, но элегантное серое платье. – Граф просит всех собраться в столовой.

Первой, кого увидела Настя, была пышная молодая женщина со здоровым румянцем на щеках и толстой косой. Настоящая русская красавица. И имя у нее было подходящее.

– Дуняша, – представилась она, – а это два моих остолопа.

Она показала на мальчиков двенадцати лет, один был азиатской внешности, а другой совершенно черный, с мелким бесом вьющимися волосами.

– Они близнецы, – пояснила Дуняша.

Настя удивленно распахнула глаза.

Дуняша захохотала.

– Ой, ты, должно быть, не в курсе... Мальчики! – строго крикнула она на детей.

«Близнецы» одновременно закрыли ладонями лица, а когда убрали руки, на Настю смотрели два одинаковых рыжих мальчугана с синими глазами и золотистыми веснушками на щеках.

– Как? – только и смогла выговорить Настя.

– О... – Дуняша покраснела. – Дело в том, что они метаморфы. Могут менять внешность без грима и париков. Просто сами по себе.

– А копировать тоже? – Настя спросила Дуняшу, но близнецы ответили ей также молчаливо: поднесли руки к лицу, а когда убрали, то на Настю смотрели две ее копии. Они да-

же стали выше.

– Интересный вариант, – усмехнулся граф Виттури, подмигнув Насте.

– Ладно, хватит паясничать, – прервала близнецов мать. – Я в местном агентстве руководитель, работаю в Ленинке, я архиватор.

– Архиватор значит, что она способна вызывать нужную книгу, – пояснил Цезарь.

– В основном, конечно, книги летают по библиотеке по ночам и для нужд агентства, – хохотнула Дуняша. – А это мой муж.

Она показала на огромного широкоплечего и высокого мужчину с короткой стрижкой. Тот был выше графа Виттури и Локи, и когда он шагнул к Насте, той почудилось, что пол дрогнул. Богатырь был рыжим, с синими глазами и очень каким-то домашним, что ли. На его лице читались добродушие и простота.

– Толя, – пророкотал он и протянул Насте огромную пачку.

Она испуганно посмотрела на руку: он ее раздавит, даже если слегка пожмет.

– Не бойся, – пробурчал Толя, – не обижу.

Он пожал ей руку действительно бережно.

– Настя, должен предупредить тебя, что Толя – громовержец, – Цезарь улыбнулся так, как только он один умел: оставаясь абсолютно серьезным. – На случай, если он начнет ме-

тать громы и молнии.

Серж присвистнул.

– Теперь понятно, почему близнецы такие одаренные: оба родителя агенты.

– У нас еще работают Марина, Карл и Клара. Но они сейчас приглядывают за объектом, – пояснила Дуняша. – А мы с вами пойдем в театр.

– Честно говоря, – продолжала Дуняша за обедом, – мы все рады, что расследование привело вас в Москву, господин граф, ведь последнее стоящее дело, которое мы раскрыли, было три года назад.

– Что за дело? – поинтересовалась Итсаску.

Дуняша покраснела.

– Вампир-маньяк, который охотился на людей в парках, – ответил за нее Толик. – И как таких тварей земля носит.

– Толя! – шикнула на него Дуняша.

– Ничего страшного, – с абсолютно непроницаемым лицом ответила Итсаску. – Я привыкла.

– Давайте без перехода на личности, – примирительно воззвал Локи. – Нам еще сегодня на балет идти. Это событие требует массу моральных сил, чтобы не заснуть со скуки.

Настя во время этого разговора наблюдала за тем, как граф Виттури задумчиво смотрит на собеседников, но явно не видит их: его мысли были далеко, и, судя по мрачному выражению лица, они были совсем нерадостными.

– Давайте лучше решим вопрос с тем, как пронести оружие в театр. Вряд ли охрана нас пропустит, а гипноз в толпе чреват последствиями, – проговорил он, словно почувствовав на себе взгляд Насти.

– Нас с оружием не пропустят, – Дуняша пожала плечами. – Да и зачем нам оно? Мы же просто пытаемся выяснить, является ли эта девочка дочерью Ноктурны, не станем же мы нападать на нее посреди спектакля.

– Я не могу подвергать ни одного своего агента опасности. Ночью наш особняк сторожил Азазелло.

Настя вздрогнула.

– Поэтому, – продолжил граф, обведя всех притихших агентов черным взглядом, – я спрашиваю вас еще раз: как пронести оружие в театр?

– Может, подкупить охрану?

– Проверить, можно ли войти через служебный вход?

– Спрятать на крыше?

– Папа Римский, – вдруг сказала посреди всеобщего гвалта Настя.

– Что – Папа Римский? – Толя захохотал. – Позвоним Папе Римскому, чтобы он пронес оружие?

Призрак Родриго Борджиа отчаянно пытался остановить Настю. Но та отмахнулась и, глядя в глаза графу Виттури, повторила:

– Если призраки крали картины и кошельки, возможно, у Его Святейшества получится пронести несколько мечей

и пистолетов в театр? Если он не против, конечно.

– Он не против, – ответил за призрака граф Виттури и нехорошо улыбнулся, – он же помнит, у кого его ладанка?

– Гореть тебе в геенне огненной, проклятый дьявол! Еще бы я не помнил, меня повсюду за тобой таскает из-за этой ладанки. Чтоб на тебя обрушились...

– Хватит, – Настя прервала гневную тираду Папы. – Граф все равно вас не слышит, а у меня уже уши свернулись в трубочку от ваших проклятий.

Как показал тут же проведенный опыт, Папа Римский мог заставить исчезнуть мечи, а также мог их возвращать, роня удивленным зрителям на колени. Мальчишки-метаморфы особенно веселились, им-то не слышно было, как Папа Римский жалуется на то, что от их воплей его светлая и полная благочестивых дум голова начала раскалываться.

Настя не очень верила в то, что призраки страдают от мигреней. В глубине души она была уверена, что Родриго Борджиа втайне рад поучаствовать в операции «Жизель».

Глава 5

В Москве стояла аномальная жара, поэтому платья для выхода в свет были легкими, а вот мужчинам пришлось нелегко в рубашках. Настя шла под руку с Диего, рядом с ней многозначительно пыхтел и отдувался под бременем своей ноши Папа Римский. Призрак делал все, чтобы важность его миссии не ускользнула от внимания Насти. Габриэль даже в театр не пожелал надеть ничего «приличного», как выразился Цезарь, и держался ближе к Итсаску, чей наряд был вторым после его по эксцентричности. Граф Виттури шел с Ликой, о чем-то переговариваясь с ней вполголоса, в какой-то момент он остановился и заботливо поправил заколку в причёске ангела. Настя не ревновала: она любовалась каждым его движением.

Локи протянул их с Ритой билеты контролерше, а ведьма прильнула к его спине. Она была в черном платье, глухом спереди и откровенно открытом сзади, так что на нее все время пялились мужчины. Локи усмехнулся в светлую бороду и провел свою ведьму дальше. Ему доставляло удовольствие замечать зависть в глазах мужчин даже сильнее, чем ловить заинтересованные взгляды женщин на себе. Скандинавский бог был хорош собой, несмотря на пиратскую повязку на глазу, а вместе с Ритой их пара отвлекала на себя внимание окружающих. Тем лучше: те из агентов, которые мог-

ли сойти за приличных зрителей, рассеивались по залу, Папа Римский отдавал каждому оружие, когда видел, что на них никто не смотрит.

К удивлению Насти, Габриэль, граф Виттури, Лика и она оказались в ложе. Сверху она видела Диего, Итсаску и Сержа на балконе, Цезаря и Дуняшу с ее семьей в партере.

– А Рита и Локи? – спросила она, повернувшись к Лике.

– Может, она пудрит носик? – улыбнулась хитро Лика. – Как-то они загадочно шептались перед входом в зал. Искры так и сыпались.

Папа Римский положил на колени Насте ее меч.

– Театр – это грешное заведение, – нравоучительно заметил Родриго Борджиа.

– Вам понравится, здесь девушки в коротких юбках, – попыталась соблазнить его Настя перспективой пикантных наблюдений.

– После выреза вашей ведьмы, который чуть ли не всю ее задницу оголил, я уже видел все, – парировал призрак.

Прозвенел третий звонок, свет начал гаснуть. Оркестр сыграл увертюру, и занавес открылся.

В темноте Настя нервно сжала руки, ожидая увидеть Жизель, за которой они охотились все это время. Горячая ладонь графа Виттури легла ей на руки, повелевая успокоиться. И она расслабила плечи, только сейчас осознав, как была напряжена.

Лика видела, как граф Виттури взял Настю за руку,

но беспокойства их отношения ей не приносили. Она знала, что он не тронет ее, а потому его игры с девушкой были всего лишь прелюдией к ее гибели. Как кот играет с мышью, прежде чем ее придушить. Вот только уже некоторое время назад она стала замечать, что коту эта игра приносит только боль. Ангел перевела взгляд на сцену.

Жизель, простая деревенская девушка, влюбляется, не зная, что ее возлюбленный – граф. Она живет в наивном мире, не желая слушать предостережение своего друга, влюбленного в нее.

Как только начался балет, Настя на время забыла о спутниках и словно перенеслась на деревенский праздник, куда увлекла любимого Жизель. Во время веселого танца девушке стало плохо: у нее было слабое сердце. Она успокаивает встревоженного графа, но вскоре в деревне появляются вельможи в сопровождении слуг, и среди них – невеста графа. Осознав, что ее обманули, Жизель страдает от разочарования, ее сердце не выдерживает, и она умирает. Так заканчивается первое действие балета.

Ролан сидел в первом ряду партера и плакал. Он тысячу раз видел все эти па и отлаженные движения, но сейчас все будто преобразилось. Энергия зала была невероятной: он ощущал волны восхищения и сострадания, которыми руководила его Наташа. Его Жизель. Она порхала по сцене, каждое движение было тягой к солнцу и радости; доверие и лю-

бовь, казалось, исходили от нее свечением, и в этом обожаании купался ее партнер. Но вот Наташа пошатнулась: Жизели стало дурно, сердце не выносит радости и счастья, быстрого танца. Вот она успокаивает метнувшегося к ней влюбленного графа: все хорошо, я посижу, а ты иди, танцуй.

Сердце Ролана сжалось: вот-вот на сцену выйдет барон с дочерью – невестой графа. Прекрасной Жизели предстоит почувствовать всю боль предательства и разочароваться в жизни настолько, чтобы умереть. Последний вздох, последнее «люблю», замершее в прощальном движении девушки. И трагедия происходит. Занавес закрылся, и волна оваций подобно цунами хлынула на сцену. Почти весь зал встал. Его Наташе рукоплескали, вытирая слезы, хватаясь за сердце. Кричали браво, и хлопки сотен ладоней слились в единый рокот обожания. Она родилась, его звезда. Свершилось.

Он долго не мог встать. Казалось, силы покинули его. Было страшно даже представить, что сейчас творится в душе Наташи. Триумф, восторг, нервное напряжение... Закрыв рукой глаза, он сидел, слушая, как настраивают инструменты в оркестровой яме, как гудят взбудораженные зрители. Подпитка была такой сильной, что от нее кружилась голова, как от хмеля, поднесенного Вакхом.

Впервые за все время его существования слеза выкатилась из глаза и пробежала жгучей дорожкой по щеке. Это было невероятно. Она была невероятно. Как может человек быть так прекрасен в танце? Говорить, плакать и смеяться

движениями? Он будто слышал слова любви и боли, которые она одним взмахом изящной ножки могла сказать всему залу.

Бог есть, если есть такая красота. И как хорошо, что он смог коснуться этого мотылька, не замяв ему крыльев, не уничтожив его красоту и легкость. Он – самое низкое, самое примитивное и самое пошлое из существ – принял участие в создании шедевра. Какое счастье выйти из темноты ночи, чтобы не только сохранить разожженный кем-то огонь, но и сделать его выше и ярче!

Давно Настя не получала такого удовольствия от балета. Точнее сказать, никогда. Никогда еще ей не приходилось видеть такой балерины, как Наташа: гибкой, легкой, пронзительной. От каждого ее движения и прыжка в восхищении замирало сердце. И по воцарившемуся в ложе молчанию, и по гулу зала она поняла, что ее спутники тоже переживают первый акт балета как нечто особенное.

– Она само воплощение танца, – наконец разомкнул губы граф Виттури. – Я давно не видел Терпсихору. Это лучше танца семи покрывал Саломеи. Это не может быть человек.

– Это человек, – простонал Габриэль.

Настя повернулась к нему и ужаснулась: ангел был бледен, татуированные розы шипами вонзились в его кожу на шее, синяя майка почернела от крови, с пальца правой руки капала на ковер кровь.

Ли́ка бросилась к нему, но Габриэль остановил ее:

– Нет. Не надо. Я заслужил.

– Но твоя кровь... она красная. Как у людей, – Ли́ка непонимающе посмотрела на графа Виттури. – Но я уверена, он – ангел.

– Ты что-то вспомнил, Габриэль?

– Да. Это она. Это дочь Ноктурны.

Габриэль горько заплакал.

– Я думал, я смогу повернуть вспять дьявольский заговор одним словом. Спасти ее мать, не мараю рук о ее душу. Я пал так низко.

– Наказан за бездействие, – сурово промолвил граф Виттури.

– Конечно... я же такой гордый был, чистый... белый... – Габриэль выплевывал каждое слово с презрением, а Настя замороженно смотрела, как падают с его раскрытых ладоней вязкие капли крови. – А теперь кровь убитых Ноктурной на моих руках...

Смотреть, как плачет ангел, было невыносимо.

– Ну что ты, – глотая слезы, сказала Настя, взяв его за руку. – Тебе дали второй шанс. Мы заберем ее, вернем Ноктурне человеческий облик, разрушим зло. И вот увидишь, тебя простят.

– Конечно, простят, – эхом откликнулась Ли́ка.

– Тебя не простят, – голос демона тяжелой нотой ворвался в уговоры девушек. – Но ты можешь очиститься перед самим

собой. Этого у тебя не отнимет никто, Габриэль. Простить самого себя. Если сможешь.

Насте показалось, что граф говорит не об ангеле. А о себе. Так много горечи было в его словах.

Габриэль кивнул.

Антракт подходил к концу, а они так и не вышли из ложи. Один раз к ним заглянул Локи. Демон сидел с мрачным лицом, глядя вниз, в зал, где двигались туда-сюда зрители.

Прозвенел третий звонок. Свет начал гаснуть. Занавес поднялся, и зал перенесся на кладбище, куда приходил друг Жизели оплакать ее смерть. Из тьмы леса появляются вилысы – духи невест, умерших до свадьбы. Они кружат вокруг бедного мужчины, увлекая его в свою дикую пляску, пока он не падает бездыханным на землю. Вот появляется граф, он тоже пришел на могилу Жизели. Вилысы радостно бросаются на новую жертву, заставляя его плясать до самой гибели. Дикая духи девиц кружат и кружат несчастного юношу, и он уже еле переставляет ноги. И тут появляется призрак Жизели.

Наташа предстала из могилы бледная, почти прозрачная, словно и вправду стала лишь призраком жизнерадостной девушки, которая так наслаждалась каждой минутой жизни в первой части балета.

Перед чистой любовью зло отступило. Вилысы постепенно сдавали свои позиции, а граф получил возможность остановить свой безумный танец и узнал в призраке Жизель.

Настя была так увлечена борьбой добра со злом на сцене, что вздрогнула, когда граф Виттури взял ее за руку.

– Пошли.

– Куда?

Но он лишь сильнее потянул ее за собой. Еще одурманенная музыкой, Настя вышла вслед за ним. У входа в ложу их ждали Лика и Габриэль.

– Берете Настю, Диего, Джонни. Забираете девчонку прямо со сцены как можно скорее. Идете к служебному выходу. Там вас ждут. Театр окружен. Давайте.

Больше вопросов Настя не задавала.

Музыка, казалось, аккомпанировала их мрачному настроению. Вслед за ангелами она прошла в служебные помещения, там к ним присоединились вооруженные и серьезные Диего и Джонни. Парни контрастировали друг с другом внешностью и вооружением, но, судя по тому, как они проверяли дорогу, переглядывались и делали знаки, сейчас их личные проблемы были отодвинуты в сторону. Они работали слаженно и тихо. Лика вложила стрелу в лук, но тетиву не натягивала, иногда нервно лаская ее кончиками пальцев.

Настя держала руку на мече, но вытаскивать его не спешила: ей не хотелось никого пугать. Свет, и без того горевший приглушенно, начал вдруг гаснуть.

– Скорее, – прошептала Лика.

Настя видела, как над губой у ангела блестят золотистые

капельки пота. Диего открыл дверь, и они вышли в коридор с гримерками. Мимо них пробежали балерины и работники театра, но, опешив, прижимались к стенам при виде странной группы, состоявшей явно не из персонажей балета: впереди решительно шел, блестя неестественно зелеными глазами, красивый парень с чертами негроидной расы, но белой кожей. Вслед за ним – с серебряным топориком в руке одноглазый блондин в шикарном костюме, за которым двигалась ангельски красивая девушка в легком платье и с луком в руках, потом еще одна в сарафане цвета хаки с мечом, а за ней окровавленный панк.

Музыка становилась все громче, и Диего наконец увидел сцену.

Он остановился и кивнул Насте:

– Ты идешь первой.

– Прямо так? – Насте казалось страшным преступлением прервать такой балет.

– Можешь выйти на носочках, – предложил Джонни и, схватив ее за плечо, жестко сказал: – Хватай девчонку, мы прикроем. Постарайся успокоить ее.

– Ты совсем? Как я успокою человека, которому ломаю премьеру?

– Тогда бей ее по голове и тащи давай!

Он выпихнул ее на сцену и выбежал следом.

Глава 6

Появление Насти на сцене Большого театра произвело фурор: это она поняла по гулу в зале, который на несколько мгновений перекрыл музыку. Затем события стали разворачиваться так стремительно, что ослепленная софитами и испуганная от осознания вандальности своего поступка Настя не сразу поняла, что именно происходит.

Ее единственной целью, к которой она бежала, была Наташа. Нужно было успеть ее успокоить, прежде чем Диего и Джонни схватят ее и потащат прочь. Это безумие – похищать ее прямо со сцены. Но Настя ощущала, что Лика была права: тьма сгущалась вокруг театра. С каждым мгновением волчица внутри напрягалась все больше, готовая к прыжку, а по спине бежали электрическим током покалывания, от которых в крови начинало искрить. Что-то страшное случится, если она не успеет. И поэтому Настя бежала к балерине, обходя испуганных и остановившихся вилис. Потом поднялся визг.

Кричали зрители и испуганные артистки, Настя слышала, как Диего заорал:

– Джонни, берегись!

Музыка оборвалась, Настя оказалась рядом с испуганной Наташей, как-то не вовремя подумала, что девочку слишком сильно накрасили, но потом, стараясь перекрычать гвалт, по-

ложила руки на ее худенькие плечи и сказала:

– Не бойся...

Но дальше продолжить не смогла. Ее отбросил прочь красивый и элегантно одетый мужчина, который появился на сцене внезапно. От его толчка Настя попятилась назад.

– Не прикасайся к ней!

Глаза мужчины вдруг налились кровью, Настя вытащила меч и выставила его вперед.

– Отойди от нее!

К ее удивлению, Наташа испуганно прижалась к мужчине, как к своей защите, и посмотрела на Настю с ужасом.

– Наташа, я не причиню тебе зла, – Настя пыталась заговорить с ней, стараясь перекричать грохот и визг в зале. – Твоя мама...

– Моя мама? Вы знаете, где она? – девочка заломила в волнении руки, Настя двинулась в ней, но ее спутник встал между ними.

– Не подходи, – мужчина приподнял верхнюю губу и обнажил звериные клыки. Это был демон, она была уверена. Именно они так невыносимо красивы, даже когда показывают свою сущность. Внезапно рядом с Настей нарисовался Габриэль.

Он бежал вслед за Настей, Диего и Джонни. Настя вырвалась вперед, поэтому не увидела, как две балерины из танцующих вилис вдруг изменились, их глаза провалились внутрь, рты тоже превратились в черные дыры, и оба чудовища об-

рушились на ребят, Диего только успел крикнуть:

– Джонни, берегись! – как оказался сам под белым и туманным покровом монстра.

Габриэль хотел было помочь, но увидел, как на Настю напал демон, и бросился к ней.

– Театр окружен, дубина, мы пришли ее спасти. Не торози! – и он набросился на демона. Вместе ангел и демон свалились в оркестровую яму, из которой разбегались музыканты.

Настя снова схватила Наташу за руку и потащила со сцены. Девочка вырывалась и кричала.

– Да успокойся ты!

Настя повернулась к ней, увидела летящее в них огненное нечто, прыгнула на Наташу, повалила ее на сцену и откатилась вместе с ней в сторону. Их обожгло огненным дыханием, затем послышался удар, взрыв, и пламя рванулось на сцену, отрезав им ближайший выход.

– Скорее! – Настя подняла Наташу и потащила к дальней кулисе.

Лица выбежала на сцену последней и оторопела: весь зал кишел самыми разнообразными тварями, среди которых бегали испуганные зрители, в спешке покидающие его. Остальные агенты пытались защитить людей. Лица отстрелила пару тварей, которым удалось залезть на сцену. Затем увидела, как Джонни, уничтожив атаковавшую его тварь, бросил-

ся к Диего, к которому присосалась ламия.

Отстреливая тварь за тварью, Лика вылавливала краем глаза сражающихся друзей.

Рита сражалась, сосредоточенно водя в воздухе руками и что-то бормоча: вокруг нее парили кресла и сверкающие ножи, которые она время от времени резко направляла на противника. На ведьме вспыхивали холодные искры, освещая ее фигуру достаточно хорошо. Услышав треск, как от детской погремушки, она развернулась на звук: плавно скользя по сиденьям и огибая тело мертвой женщины, на нее ползла огромная змея.

На одном из балконов полыхнуло яркое пламя, жидкой лавой стекло в партер на попавшего под него зрителя. Мужчина вспыхнул мгновенно, лава облекла его фигуру ярким огнем с кусками застывшей темной массы, а затем превратилась в Белиала.

Падший ангел увидел Лику, послал ей воздушный поцелуй, с его ладони сорвался огонь, который полетел прямо на нее. Ангел едва успела отскочить в сторону и, подняв голову, увидела, как пламя летит в Настю и Наташу. Она закричала, но Настя успела отпрыгнуть прочь, увлекая за собой балерину. Лика поднялась и прицелилась в Белиала.

Она пустила в него три стрелы, они вонзились в клокочущее лавой тело демона, но он лишь улыбнулся ангелу, сжал кулаки, и стрелы, объятые пламенем, вышли из него, развернулись и полетели в сторону Лики, а затем вдруг резко разо-

шлись в разные стороны.

Одна из стрел летела в Риту. Ведьма, чье внимание было поглощено убийством змеи, заметила опасность в последний момент, но успела соединить три парящих кресла вместе, стрела прошла их и застряла в последнем. Лица выдохнула. Вторую стрелу перехватил Толя, наэлектризовал и убил её, как ножом, волосатую тварь, которая подбиралась в воящей Дуняше.

Третья стрела вонзилась Диего в спину, и тот, застонав, обрушился на руки Локи, когда тот помогал ему подняться.

Настя пробежала мимо них, уводя Наташу. На ее лице отразилось желание остановиться, но в этот момент на сцену выскочил Серж, схватил ее за руку и потащил за собой. Свет в театре погас окончательно.

В темноте Настя бежала за Сержем, уводя Наташу, которую била дрожь. В темноте был едва слышен слабый, прерывающийся от сбитого дыхания шепот девочки:

– Это сон, просто сон...

– Черт! Черт! Черт! – Серж внезапно остановился.

– Заблудился?

– Где-то у меня был фонарик...

Он отпустил ее и стал рыться в карманах.

Настя прижала к себе балерину.

– Ты не бойся, Наташа! Все будет хорошо!

Волчица в ней зарычала, обнажив клыки. Чернота впере-

ди вдруг стала красной, и перед ними встал огромный демон. Его черные глаза с красными вертикальными зрачками на багровой морде пугали, отчего невозможно было задержать на нем взгляд. Он был уродлив, весь в наростах и шипах, словно из-под кожи выступали зубы проглоченных им звериных черепов. Кожистые крылья упирались в стены коридора, и при малейшем трении сыпались искры. Он протянул руку с длинными когтями, и Настя отступила. На роже демона отразилось нечто похожее на ухмылку. Наташа завизжала.

Серж позади Насти ругнулся по-французски.

– Бежим!

Они побежали прочь от демона в черноту коридора, но впереди тоже побагровело пространство, и навстречу им выползла огненная змея. Она раскрыла пасть и напала на Сержа. Он метнулся в сторону, Настя воспользовалась его маневром, рубанула змею по шее, которая потянулась вслед Сержу. Голова шмякнулась на пол, тут же погасла и рассыпалась в пепел. Отрубленное туловище в агонии взметнулось вверх, а когда опустилось, на Настю смотрели две змеиные головы с мелькающими от раздражения раздвоенными огненными язычками.

Позади раздался скрежет, который, похоже, был хохотом демона.

Настя крепче ухватилась за меч.

– Серж, уведи Наташу. Я его задержу.

– Ты сбрендила? Эта гидра тебя грохнет, – огненные отсветы отражались на очках парня.

– Черта с два она ее грохнет, – голос Итсаску раздался совсем внезапно. Настя оглянулась.

Вампирша в отсветах пламени была совершенно прекрасна и сама казалась дьяволицей. Она медленно подняла руки с пистолетами.

– Валите, ребятки, пока я тут играю.

И она методично начала стрелять в змею. Та взвилась, попыталась напасть, но вампирша увернулась. Одна из пуль попала прямо в глотку, змея поперхнулась, и эта голова погасла.

– Валите, сказала! – прикрикнула Итсаску, и Настя побежала назад, утаскивая Наташу к выходу на сцену, иного пути не было, ведь дальше по коридору был демон.

Граф Виттури пытался отрезать полчищу демонов доступ к публике, пока мальчишки-метаморфы, принявшие облик взрослых полицейских, выводили людей. Но тварей было слишком много, они пробивались в толпу, бросались на людей, рвали им горла, откусывали носы, ломали с хрустом позвоночники. Началась паника. Братья испуганно ждали инструкций от графа, замороженные кровавым зрелищем. Ему пришлось встряхнуть их за шкирки.

– Выметайтесь! Всех, кого встретите, на выход, сюда не возвращайтесь.

– Но мама!

– Выполнять приказ! – взревел он, да так, что мальчишки разом побледнели и бросились хватать по дороге на выход всех, кто оказался парализован страхом.

Ворвавшись в зал, граф сначала зажег все уцелевшие светильники, чтобы остальным было легче сражаться, и набросился на демонов с новой яростью, подмечая между атаками расположение других агентов. Он увидел, как Настя увела Наташу со сцены, и выдохнул с облегчением. Теперь необходимо было прикрыть остальных. На сцене Лика и Локи склонились над Диего, и сердце демона заледенело. Он видел, как на них движется Белиал.

В ярости он потерял человеческое обличье, став выше и темнее, за спиной его распахнулись крылья. Взревев так, что демоны помельче попрятались под сиденья, он в два взмаха оказался за спиной Белиала, который был уже совсем близко к троице.

Его мечи были направлены в спину падшего ангела, туда, где виднелись уродливыми отростками остатки крыльев. Но Белиал словно ждал его. С мерзкой ухмылкой он развернулся: в руке у него был меч. Он замахнулся и ударил Самаэля.

Лика успела налететь на него сзади, задержать руку, наскочив ему на спину. Белиал в гневе сбросил ее, и она, не удержавшись на краю сцены, свалилась в оркестровую яму. Графу пришлось отскочить от Белиала, теперь он снова

наступал. Но адский демон шагнул вперед, отбросил в сторону Локи, который пытался скрестить с ним оружие, и поставил меч к горлу Диего.

– Твой котенок сдохнет, если сделаешь еще хоть шаг.

Глаза Самаэля от ярости затекли Тьмой, по щекам пошли черные трещины.

Он еле сдерживал себя, хоть и понимал, что Диего все равно умрет. Белиал не отпустит его.

Вспышка справа отвлекла на мгновение обоих, но этого оказалось достаточно. Настя замахнулась воспламененным мечом и отсекала голову Белиалу. Диего увернулся из-под лезвия, откатился в сторону.

Голова демона в короне упала и покатилась по сцене, тело неуклюже свалилось набок. Настя смотрела на это расширенными от ужаса глазами: кажется, она ожидала немного иного эффекта от своего удара. В это мгновение тело и голова Белиала сгорели, превратившись в лаву, потом в угли, а затем в золу.

– Почему вы еще здесь? И почему вернулись на сцену? Дотанцевать решили? – набросился Самаэль на Настю, чтобы вывести ее из ступора. За спиной Насти пряталась Наташа. В глубине души демона переполняла гордость за храбрость и отвагу говорящей с призраками, восхищение решительностью той, кого он так долго тренировал и учил драться. Больше всего хотелось обнять Настю и вывести ее из театра, но Самаэль чувствовал, что его помощь нужна в дру-

гом месте.

Она перевела остекленевший взгляд на графа и моргнула, приходя в себя.

– Там демон покруче этого, – она показала за кулисы.

– Берите всех, кого сможете, и пробивайтесь к выходу. Итсаску там? – кивнул он на звук выстрелов.

Настя подтвердила и, когда граф Виттури метнулся в служебный коридор со сцены, хотела помочь Диего подняться, но оборотень ее остановил.

– Я подожду, когда освободится Локи, и попытаюсь регенерировать. Вам меня все равно не вытащить. Бегите!

Настя нашла взглядом Локи, сражавшегося с вилисой, поняла, что тот скоро сможет помочь Диего, и кивнула. Потянув Наташу за руку, она побежала к выходу.

Самаэль чувствовал, что Итсаску, справившись с огненной гидрой, пыталась сразиться с кем-то более сильным. Перед внутренним взором вдруг предстали барабаны в пистолетах вампириши. В них оставалось только по одной пуле. Он должен успеть.

Он появился вовремя: демон обрушил на вампиришу огненный удар. Самаэль успел обнять Итсаску крыльями и принять удар на себя.

– Помоги Насте, – шепнул он в ее черные волосы и выпустил, разворачиваясь к демону.

Вампириша, на ходу заряжая пистолеты, успела выбежать

на сцену и оглядеться, когда прогремел первый взрыв.

Столкнувшись на сцене, Ролан и Габриэль скатились в оркестровую яму. Там они продолжили свою схватку, но ангел, несмотря на свою явную тщедушность по сравнению с накачанным инкубом, побеждал. Нащупав под рукой металл, он со всего размаха врезал демону по мерзкой роже, один раз и второй, пока не осознал, что держит в руке помятую литавру.

Демон рычал, отбивался всем, что попадалось под руку: обломками инструментов и попиртами.

– Я хочу защитить ее! – вопил Габриэль, пытаясь достучаться до демона.

– Видел я, как ты защищал ее мать, тупица! – Ролан пытался сбросить его с себя, кровь, сочившаяся из раны на шее ангела, заливала ему лицо. – Какого хрена ты тут появился?

– Дай мне объяснить! – бил в ответ Габриэль.

– Идиоты! Вы только время теряете! – сильный удар под зад заставил Габриэля остановиться.

Лица стояла над ними, целясь в них из лука.

– Прекращайте! У нас есть проблемы посерьезней! Надо увести девочек отсюда.

Ролан оттолкнул Габриэля и встал.

– Ролан, – он отряхнулся, протянул руку Лике и обворожительно улыбнулся.

Габриэль перекатился в сторону и закатил глаза:

– Идиот, она ангел, они не водятся...

– Очень приятно, – Лика кивнула, не опуская оружия. – А теперь оба вылезайте. И постарайтесь сделать что-нибудь полезное!

Ролан и Габриэль переглянулись.

Когда они выбрались из оркестровой ямы, Лика помогла Локи поднять раненого Диего, ее тут же подменил Серж, и она снова взяла лук и стрелы.

– Пошли.

Толя, Цезарь и Дуняша пробились к Насте, помогли взять Наташу в плотное кольцо. Вместе они стали пробиваться к Рите, которая пыталась отбиться от окружавших ее все более тесным кольцом тварей. Их когти то и дело касались тела ведьмы, оставляя глубокие порезы. Рита выдохлась от борьбы и не могла добраться до них.

Оставив остальных, Толя и Настя бросились к ведьме на помощь.

Но в этот момент взрывной волной всех повалило на пол. Кусок сиденья ударил Настю в локоть. Боль электрическим разрядом пробила тело, Настя закричала, слезы брызнули из глаз, туманной пеленой закрывая от нее действительность. Сознание на мгновение померкло, а когда она очнулась, рядом были Наташа, Итсаску и Диего с Ликой. Подняв голову, она удостоверилась, что с Ритой все хорошо. Лика залечивала ее руку.

– Ты как?

– Терпимо, – через силу улыбнулась она. На самом деле Настя была измотана. Все силы, накопленные во время прогулок на природе, были исчерпаны. Сейчас она не могла бы даже выпустить белую волчицу. Ангел помогла ей подняться, но в этот момент ее, ведьму, вампиршу и Диего как языком слизнуло. Настя рассеянно моргнула.

В воздухе под потолком театра стала сгущаться тьма: в зал спускался на крыльях огромный рогатый демон, он смахнул хвостом агентов, чтобы они ему не мешали. Ребята упали в другом конце зала. Ему нужна была только эта маленькая девчонка, которую нужно уничтожить, чтобы не мешалась под ногами.

Люцифер надвигался на Настю и Наташу. Насте было страшно, она понимала, что против него ей не выстоять и минуты. И сам демон это понимал: она видела торжество в его глазах. Наташа больно вцепилась в плечи Насти, спрятала голову за ее спиной и тряслась как осиновый лист. «Это даже хорошо, – успела подумать Настя. – Так она не сможет понять, что ее защитница тоже дрожит».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.